

**ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ
И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
КАК ЧАСТИ РЕЧИ В ТАДЖИКСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ
FROM THE HISTORY OF THE FORMATION AND DIFFERENTIATION OF
ADJECTIVES AS PART OF SPEECH IN THE TAJIK AND GERMAN LANGUAGES**

Аннотация: Имя прилагательное на пути становления как самостоятельной частью речи претерпело различные этапы развития в изучаемых языках. В статье была сделана попытка проследить становление и дифференциацию имени прилагательного ещё с индоевропейского периода. Периода языкового единства, когда категория имен прилагательных в индоевропейском языке-основе первоначально не имела особых признаков, формально отличающих эту категорию от существительного.

Это положение и отличает таджикские прилагательные от прилагательных в немецком языке. В статье был использован сравнительно-сопоставительный метод. Он показал на примерах из художественной литературы, что грамматическая категория имени прилагательного находит свое отражение на всех уровнях данных дальнеродственных языков. Но в силу периода своего отдельного исторического развития характерологические особенности самого прилагательного претерпели, в частности в таджикском языке, разительные изменения.

Abstract: The adjective, on the way to becoming an independent part of speech, has undergone various stages of development in the languages studied. The article attempted to trace the formation and differentiation of the adjective since the Indo-European period. The period of linguistic unity, when the category of adjectives in the base Indo-European language initially did not have any special features that formally distinguished this category from a noun.

This provision distinguishes Tajik adjectives from adjectives in German. The article used a comparative method. He showed, using examples from fiction, that the grammatical category of an adjective is reflected at all levels of these distantly related languages. However, due to the period of its separate historical development, the characterological features of the adjective itself have undergone, particularly in the Tajik language, dramatic changes.

Ключевые слова: лексико-грамматические разряды, лексическая единица, индоевропейская общность, смысловое значение части речи, падежные отношения, облигаторный, эволюция категории рода, элиминировать, бинарная оппозиция.

Keywords: lexico-grammatical categories, lexical unit, Indo-European community, semantic meaning of part of speech, case relations, obligatory, evolution of the category of gender, eliminate, binary opposition.

Реферируемая статья имеет своей целью изучение генезиса имен прилагательных в таджикском и немецком языках, как языках единой индоевропейской семьи, в более широком понимании – от зарождения и последующего процесса развития в синхронии. Изучение возникновения данного разряда слов предполагает необходимость изучения нашего объекта исследования, имени прилагательного, в генетически-диахронном и структурно-синхронном аспектах. В связи с чем, применяя для характеристики морфологических особенностей прилагательных на современном этапе их развития, мы обратились к методу синхронного анализа и описательному методу. Последний важен для практики обучения языкам.

Академик В.В. Виноградов обращает внимание лингвистов на наличие в словарном составе языков различных структурно-семантических разрядов слов. В процессе классификации частей речи подчеркивается необходимость выявить специфические особенности каждого из них [7., с.38-39]. В диахронии сравнительная грамматика индоевропейских языков давно пришла к выводу об относительно позднем обособлении имен прилагательных как части речи [14.,с.21]. «В период индоевропейской языковой общности имена прилагательные представляли относительно новую грамматическую категорию, находившуюся в процессе становления и дифференциации от имен существительных» [14., с. 11]. Следовательно, индоевропейский язык-основа (праязык) сохранил следы более древнего состояния, когда имя, стоящее перед другим именем, приобретало значение определения. По своим функциональным возможностям это имя соответствует в обоих изучаемых языках современному прилагательному со значением качества, [14., с.11-12] тем более, если учесть тот факт, что и таджикский, и немецкий являются языками одной индоевропейской семьи языков.

Семантической основой прилагательных является понятие качества, свойства, признака. Независимо от многообразия мнений о частях речи, лингвистами отмечается присутствие категории имени прилагательного во всех исследованиях и грамматиках как немецкого, так и таджикского языков.

Изучение грамматического строя таджикского языка, как и любого другого языка, имеет ряд особенностей. Оно напрямую связано с самой историей языка, путями его развития и становления.

Росту внимания к таджикскому языку способствовало формирование языкознания как науки в России, включение в этот процесс языков Средней Азии и регионов, находившихся под юрисдикцией России. В Российской империи к концу XIX столетия были уже сформированы две научные лингвистические школы: под руководством Ф.Ф.Фортунатова и И.А.Бодуэн де Куртене в г. Казань. Учитывая важность изучения персидского языка в России, развивающей дипломатические и торговые отношения с Ираном, расширяющей своё влияние на Среднюю Азию, где проживало и персоязычное население, начинается преподавание персидского языка и литературы в университетах России. С 1807 в Казанском, с 1811 – в Московском, а с 1819 года в Петербургском университетах. Так возникла потребность в персидских учебниках, словарях. Появление этих изданий сыграло в свою очередь немаловажную роль в изучении языка персоязычных народов самой России, в написании очерков, статей, словарей.

Первые относительно полные для того периода времени двуязычные словари были составлены уже в конце 19 века. Так в г. Казани был издан первый словарь В.П.Наливкина «Словарь русского языка и персидских диалектов Туркистана» («Фарханги русї ба форсии лахляъои кишвари Туркистон»), содержащий 10000 слов и словосочетаний. В 1889 году Новобухарская типография опубликовала краткий русско-персидский словарь, и позже, в 1913 году в г. Ташкенте, на основе таджикского разговорного языка Бухарского эмирата, был издан «Русско-таджикский словарь». Составителем обоих содержательно довольно коротких изданий был Шоххайдар Хотамтоев.

Как известно, таджикский язык и с научной точки зрения стал привлекать внимание лингвистов еще в XIX веке. Сюда можно отнести публикации А. Вамбери «Очерки по Средней Азии», М., 1868, с некоторыми данными характерными для языков данного региона; А.А.Семёнова «Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии». (Грамматический очерк и памятники народного творчества, М.,1900). Однако в ту пору, даже много позже, таджикский язык в мировой лингвистической среде зачастую квалифицировался как один из диалектов, наречий персидского языка, даже как персидский, о чём свидетельствуют многочисленные источники. К их числу можно отнести и статью Bailey Harold Walter «The Persian Language» в книге «The legacy of Persia. Edited by A. J. Arberry. Oxford. At the Clarendon Press, 1953». Бейли Гарольд Уолтер писал на странице 175, что иранский язык до сих пор выживает в советском Таджикистане - «... the Iranian surviving in the ... Tajikistan».

«Краткий грамматический очерк таджикского языка (для слушателей курсов востоковедения)» А.А.Семёнова, представлял собой лишь беглый обзор грамматики языка. В очерке, изданном в 1927 году в г. Ташкенте, автор также указывает на особенности этого «окающего (таджикского) наречия персидского языка» - А.А. Семёнов *Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Грамматический очерк и памятники народного творчества.* М., 1900 .

Автором первого известного нам учебника таджикского языка «*Sarfu nahvi zabani tajiki*», изданного в 1926 году, является Саидризо Ализода Самарканди. Учебник предназначался для младших и средних школ. «*Сарфу наъви тољикї*» условно делится на четыре раздела и 11 глав. В первом разделе дается определение слова, слога, предложения, правила их употребления. [3., с. 3-4]. Во втором разделе дано более подробное объяснение особенности употребления таджикского языка. С. Ализода в основном правильно определил и объяснил каждую часть речи, ее категории [3., с. 11]. Здесь были впервые для грамматики таджикского языка представлены 9 частей речи. [4., с.29]. Каждой части речи посвящена одна из глав. Так прилагательные описываются в третьей главе как: «Сифат калимаест, ки њолат ва чигунагии касе ва чизеро фаъмонад. Њамчун: марди доно, сухани рост» [4. с. 40]. – Прилагательные - это слова характеризующие, объясняющие состояние, качество, свойство лиц и предметов. Как, например: мудрый человек, правдивая речь». – (Перевод автора статьи). Прилагательные Ализода С. разделил на «аслі и нисбі» (буквально - «аслі - оригинальные», в современной грамматике именуется как качественные и нисбі – относительные – автор). Он отметил у относительных прилагательных 6 признаков, указал на три степени сравнения прилагательных – «одді, тавсилї ва олї» и т.д. [4., с. 40]

Научная грамматика таджикского языка стала разрабатываться в годы обретения им статуса государственного языка в Таджикской ССР. «Руководство для изучения таджикского языка» О.А.Сухаревой представляет собой первое более или менее законченное описание таджикского языка. В публикации Сухаревой О.А. [15., с.93], подчеркивается, что прилагательные таджикского языка, как и существительные, не имеют флективных отличительных черт, что является подтверждением гипотезы о генезисе прилагательных в индоевропейском языке.

Классическая сравнительная грамматика выдвинула гипотезу, что категория имен прилагательных в индоевропейском языке-основе первоначально не имела особых признаков, формально отличающих эту категорию от существительного. Об их общности, ещё в 1904 году в «Краткой сравнительной грамматике индогерманских языков», мы читаем у Бругмана К.: «обе эти категории не различались в праиндоевропейском по формальным признакам». (К. Brugmann. *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen.* Strassburg -1904, стр.339). «Адъективация существительных происходила уже с индоевропейских времён в результате того, что одно существительное могло присоединиться к другому в качестве атрибута или предиката так, что при этом мыслилось только содержащееся в существительном качественное понятие», - отмечается в «Сравнительной грамматике германских языков» [14, с. 12]. Данная гипотеза получила своё дальнейшее развитие и широкую перспективу изучения у А. Потебни в «Из записок по русской грамматике», ч.3, стр. 43-100, у В.М. Жирмунского в «История немецкого языка» [9., с. 212-215], у С.Д. Кацнельсона в «Историко-грамматические исследования» [10., с.223-225].

Что касается таджикского языка, как языка, относящегося к языкам новоиранским, мы можем привести следующий тезис: «Перестройка древнеиранской именной системы в переходный период к средним и новоиранским языкам... не могла не отразиться на обозначении различных категорий словоизменения, в том числе и рода. Во многих языках род вообще оказался элиминированным...» [12., с.88]. «...эволюция категории рода осуществлялась на фоне аналитических процессов, охвативших почти все иранские языки среднего и нового периода и во всех случаях, имевших своим следствием разрушение или редукцию исконной именной флексии. Наряду с другими именными категориями (падеж, число) категория рода претерпела в связи с этим значительные преобразования, а в ряде

языков, где процесс зашёл наиболее далеко, - она была полностью элиминирована» [12., с.101]. Далее отмечается, что по новоперсидской норме вместо прилагательных в форме множественного числа преобладает и употребительна форма прилагательного с нулевым показателем, атрибутивные согласования в современном персидском и таджикском языках стали утраченными. [12., с. 226-228]. Здесь же, на странице 241 говорится: – «... прилагательное в большинстве новоиранских языков категории числа не имеет, атрибутивное согласование ... отсутствует: тадж. чашмони бодомӣ, миљгонҳои дароз, қомати баланд – миндалевидные глаза, длинные ресницы, высокий рост...». Но в немецком языке синтаксическое согласование определяющего (прилагательного) с определяемым (существительным) осуществляется при помощи флексий. То есть с использованием соответствующей парадигмы склонения каждого данного адъектива: *mandelhafte Augen* мн.ч., *lange Wimpern* мн.ч., *große Statur, Gestalt* женс. род, ед.ч. Тезису об отсутствии атрибутивного согласования в новоиранских языках соответствует и точка зрения французского ученого прошлого столетия Р. Готье. «Предельный пункт» или «конечный» этап в развитии древнеиранской комплексной флексии представляют собой, по выражению Р. Готье среднеиранские языки... и новоперсидский и таджикский.... Для них характерно отсутствие падежной флексии и бинарная оппозиция ед. и мн. числа (нулевой показатель: агглютинативный суффикс)». [2., с. 61-62]

Для прилагательного и в современном таджикском языке характерно отсутствие грамматических категорий числа, рода и падежа, но оно обладает, как и прилагательное немецкого языка, универсальной категорией степени сравнения, а также особыми, облигаторными для данной части речи, словообразовательными суффиксами и префиксами.

Как уже отмечалось выше, и для немецкого языка в период индоевропейского языкового единства имена прилагательные представляли собой относительно новую грамматическую категорию. Первоначально они не имели отличного от существительных оформления. Подобно другим именам (существительным, местоимениям) прилагательные изменялись по родам, числам и падежам, хотя находились уже в процессе становления и дифференциации от имен существительных. Эти характеристики, т.е. грамматические категории прилагательного, остались релевантными и для современного немецкого языка. Отсюда отличительной чертой немецкого прилагательного от таджикского является изменение его по родам, по числам и склонение прилагательного по падежам, которые развились в связи с формированием и отделением прилагательных от существительных как особой грамматической категории [9.,с. 214]. Названные три грамматические категории являются общими для всех именных частей речи. У имени прилагательного в немецком языке они совпадают с соответствующими категориями имени существительного, но отличаются от них по многим грамматическим параметрам. Эти категории имеют у имен прилагательных другое значение и выполняют другие функции. Дефиниция этих грамматических категорий имеет свои особенности, если в предложении прилагательное выступает в подчинении определяемому существительному. [14., с. 10-11]. Например: грамматический род является неизменным признаком немецкого существительного, тогда как для прилагательного категория рода не присуща. Прилагательное лишь согласуется, конгруирует с определяемым им существительным в роде, числе и падеже. Подчинение немецкого прилагательного определяемому существительному происходит и по родам, и в числе, и в падеже именно в функции согласуемого определения. Такое синтаксическое согласование наиболее сильно у атрибутивных прилагательных немецкого языка, согласование определяет и наличие у данных прилагательных «особых специфических для прилагательного типов склонения». Так как в современном немецком языке склонение существительных характеризуется небольшим количеством флексий, то выражение падежных отношений в предложении ложится на сопроводителей имени существительного, на артикль, местоимения и прилагательные [8., с. 11] [9., с. 214, с. 220]. Немецкие прилагательные в атрибутивном словосочетании, в зависимости от их состава имеют три парадигмы склонения: местоименное, именное и смешанное, (по терминологии Я. Гримма местоименное - «сильное склонение» и именное -

«слабое»). Например: «Würde ich mich verspäten, so bekäme ich keinen schmackhaften süßen Tee mehr.» (мужск. род, Akk., смешанное скл.) [1., с. 12] – « Я лишусь, если опоздаю, дарового сладкого чая.» [6., с. 237] - «Агар дер монам аз чои серканди ройгон маърум мешавам.» (прилаг. постпозитивно определяемому существ-ому, присоединено при помощи изафета **-и**) [5., с.13]. Что касается прилагательных таджикского языка в роли определения, то они обычно стоят в своей основной, назывной, неизменяемой форме в изафетном словосочетании, после определяемого существительного, постпозитивно. Для таджикского прилагательного не характерны категории рода, числа и падежа, так как они были в ходе исторического развития элиминированы.

Прилагательное–предикатив в обоих языках присоединяется к существительному (субъекту) при помощи глагола-связки (или глаголами «становления, бытия» -«Verb des Sciens») с соблюдением характерного для каждого из изучаемых языков порядка слов в предложении. В роли предикативного члена предложения, т.е. части именного составного сказуемого прилагательное-предикатив «сохраняет большую независимость и тяготеет к развитию неизменяемой формы», - отмечает В.М.Жирмунский в главе «Имя прилагательное в германских языках» в четвертом томе «Сравнительной грамматики германских языков. [14., с. 11]. Данный тезис актуален и для прилагательного, как именной части сказуемого, в таджикском языке. Например: Кулӯхӯи ин шудгор чунон калон-калон буданд, ки аз таги барфи ӯамон қадар ғафс ӯам пасту баландии замин намудор мегардид... [5., с. 69]. – Поднятые плугом пласты и глыбы земли были так велики, что и толстый слой снега не скрыл их неровности. [6., с. 283] - Die Brocken waren so groß, dass man sie trotz der dicken (женс.род, Genit.,слаб скл.) Schneeschicht darauf erkennen konnte. [1., с. 91] - чунон калон-калон буданд - были так велики - waren so groß.

Степени сравнения, категория релевантная для обоих изучаемых языков, представляется в классической сравнительной грамматике процессом «незаконченным в период индоевропейской общности,...»[14., с.69]. «Он завершается разными путями вместе с дальнейшим развитием грамматической категории прилагательных уже в пору отдельного существования языковых групп» [14., с. 69]. В немецком языке, как и в таджикском «...отличительным признаком имени прилагательного по которым мы можем выделить его из других частей речи, является помимо смыслового значения, способность его изменяться по степеням сравнения» [15., с.93]. Например: Оштии бад аз ӯанги хуб беътар аст.-Худой мир лучше доброй ссоры. – Ein schlechter Friede ist immer noch besser als ein guter Streit. (посл.) (хуб – беътар - беътарин; gut – besser - am besten). В данном примере прилагательные в обоих языках образовали отличную от положительной степени сравнительную и превосходную. Подобные формы, где слова, отличающиеся корнями, дополняют друг друга в словоизменительной системе, называются супплетивными. «Супплетивы степеней сравнения встречаются во всех индоевропейских языках – преимущественно в прилагательных, обозначающих общее понятие количества и качества» [9., с. 222].

Согласно гипотезе классической сравнительной грамматики, категория имен прилагательных первоначально в индоевропейском языке не имела особых признаков, формально отличающих их от существительных. Все формообразующие и словоизменительные морфемы – форманты «явились результатом позднейшего отбора и спецификации общих именных аффиксов» [14., с. 12]. Во многих индоевропейских языках, к числу которых относятся таджикский и немецкий языки, в позднейший период их развития, в связи с общим разрушением флексии и развитием анализа, происходит редукция некоторых грамматических признаков прилагательных. Прилагательные перестают изменяться по родам, числам и падежам, как это мы наблюдаем в таджикском языке.

Проведя экскурс в историю возникновения имен прилагательных в двух близкородственных языках, принадлежащих к одной индоевропейской семье, были установлены пути становления имен прилагательных как части речи. При сопоставительном рассмотрении отмечены схождения и расхождения в структуре, словоизменении и в функционировании данного лексико-грамматического класса слов в предложении.

Список литературы:

1. Aini S. Der Tod des Wucherers.- Verlag Kultur u. Fortschritt. Berlin.,1966.- 57 с.
2. Gauthiot R. De is reduction de la flexion njminal en iranien. - MBS,1916, t. XX , fasc. 2. с. 61-62].
3. Ализода С. Сарфу наъви тољикї. Душанбе. Сабох. 2006 – 70 с.
4. Ализода Саидризо Самарандї. Сарфу наъви тољикї.-Душанбе: Маориф ва фаръанг, 2010.-92 с.
5. Айни С. Марги судхур. - Нашриёти Давлатии Тољикистон. Сталинобод., 1953.– 178 с.
6. Айни С.С. Смерть ростовщика. - Повести. Публицистика. Перевод с таджикского А. Боршаговского. - Советский писатель. М., 1978. - 480 с.
7. Виноградов В.В. Современный русский язык. Морфология. - Изд-во МГУ. М., 1952
8. Жирмунский В. М. в главе «Имя прилагательное в германских языках» в четвёртом томе «Сравнительной грамматики германских языков. М., 1966.-476 с. стр. 11»
9. Жирмунский В. М. История немецкого языка. Изд-во литературы на иностранных языках. М.,1956.-386 с.
10. Кацнельсон С. Д. Историко–грамматические исследования. Т.1 Из истории атрибутивных отношений. - Изд. Академии наук СССР. М.- Л., 1949.-384с. (Изд-во: Филологический факультет СПбГУ. 2010. – 422 с.)
11. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л., Отв. ред. А. В. Десницкая. Изд. «Наука», 1986.
12. Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. 2., «Наука». М., 1975.- 476 с.
13. Реформатский А. А. Введение в языкознание. Аспект Пресс. М., 2000. - с.313 – 536 с.
14. Сравнительная грамматика германских языков. Т.4. Морфология. «Наука». М., 1966.- 496 с.
15. Сухарева О.А. «Руководство для изучения таджикского языка». ч.1, Таджгиз. 1930г.

